

СЕРГЕЙ Юрьевич, отражает ли отбор произведений Пушкина, читаемых вами с эстрады, ваше понимание личности поэта, концепцию его творчества?

— Я не ставил своей целью создать специальный пушкинский цикл, не отбирал произведений для Пушкинианы. Когда-то начал свои чтенские программы с «Графа Нулина» — поэмы, в которой, как известно, кроме анекдота, кроме сюжета, совсем чуть-чуть, в нескольких строках, но все же по-пушкински ярко и открыто проявляются судьба и настроение автора. Такая двойственность «Нулина» меня особо привлекала.

саясь восемь лет, и, значит, в нем прочтываю и множественность настроений автора, и его старение, изменение характера, перемена взглядов на жизнь, даже на поэзию. Именно это хотелось донести до слушателей.

На эстраде целиком «Онегина» не исполнял, взял лишь несколько глав, где отражены моменты наивысшей напряженности. Сон Татьяны, именины Татьяны — настроение радостное, еще полное надежд. Дуэль и смерть Ленского — здесь Пушкин впервые всерьез замечает, что перестал чувствовать себя молодым: «Лета к суровой прозе клонят...», «Ужель и впрям и в самом деле Без элегических затей Весна моих промчалась дней (Что я шутя твердил доселе)?».

— Я пытался читать и пушкинские стихи, но быстро от этого отказался, мне не удавалось именно то, о чем идет у нас с вами речь: выражение самого характера. Дело тут было во мне самом, в моем, что ли, способе исполнения, который не позволял просто прочесть лирическое стихотворение, хотя я и пытался.

Тогда взял одно из самых известных и прекрасных творений Пушкина — «Вновь я посетил...» и стал читать его вместе с есенинским «Русь Советская». В обоих примерно одинаковый сюжетный ход: возвращение автора через все — десять лет к местам, где он когда-то прожил годы. Неизменность природы, окружающего, «минувшего» — и на фоне этого особенно ощутимы перемены в се-

ределенный смысл, потому что, скажем, Зощенко, стилистически, казалось бы, никак не соотносящийся с Пушкиным писатель, — на самом деле один из самых интересных советских исследователей Пушкина! Причем не только исследователь-теоретик: он пробовал освоить в своем стиле структуру и приемы пушкинской прозы.

Последняя моя работа — Гоголь. На концерте в Москве в декабре прошедшего года впервые читал его вместе с Пушкиным. Но Гоголь и Пушкин — современники, так что это естественно. А я пытался сопоставлять Пушкина и с современными нам авторами, например с Василием Шукшиным, выслушивая поначалу и много упреков — дескать, они не должны быть вместе, это несопоставимо. Но постепенно упреков становилось все меньше, и наконец они вовсе затихли.

Думаю, причина тому — величие Пушкина. Ведь вся русская литература связана с ним глубочайшими корнями, хотя они зачастую и скрыты. Пушкинский взгляд на мир, его способ рассуждения об искусстве, даже его тематика каким-то образом соотносятся с творчеством любого настоящего, крупного писателя.

Более того, скажу вам, что Пушкин принадлежит к числу тех личностей, на которые ориентируются не только литераторы, но и актеры, исполняя роли, часто совершенно ему и не близкие. Так, например, личность молодого Пушкина подразумевали мы с режиссером Владимиром, когда я играл Олега Савина в пьесе В. Розова «В поисках радости». Тогда мы об этом не говорили, но критика, наиболее внимательно подошедшая к спектаклю, заметила эти черты — значит, они проявились.

Пушкина мы имели в виду и когда делали «Горе от ума», где я играл Чацкого. Так что, видите, он возникал, как камертон, далекий камертон, от которого строится гармония...

— Да, в самом деле можно утверждать, что вся русская культура связана с Пушкиным. У каждого художника «свой Пушкин»... А, кстати, вам не кажется «святотатством», что современные авторы приписывают Пушкину слова, которых он не говорил, действия, которых он не совершал? Ведь можно обойтись без этого — вот в «Последних днях» М. Бул-

Сергей ЮРСКИЙ:

ОТНОСИТЬСЯ К ПУШКИНУ ПО-ПУШКИНСКИ

— Вы имеете в виду строки:

*Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.*

Не так ли? Действительно, ведь они включены в текст поэмы по тому же принципу, что и лирические отступления в «Евгении Онегине»...

— Как раз подготовка «Евгения Онегина» для Ленинградского телевидения оказалась следующей после «Графа Нулина» моей большой работой. Роман пи-

и последние главы (седьмая, восьмая), в какой-то степени отражающие ностальгию по юности и один из первых психологических кризисов поэта.

Далее был «Домик в Коломне». В отличие от «Графа Нулина» сюжет занимает здесь минимальное место, на первое, одну четверть этой маленькой поэмы. «Домик в Коломне» весь, в общем, проявление самого Пушкина, его отношения к поэзии и к времени...

— Мне хотелось вас спросить: почему вы не читаете лирические стихи Пушкина!

ба самом. Возможность сопоставить, как относятся к этим переменам два поэта разных веков — Пушкин и Есенин, — очень меня привлекала.

— Это неожиданно! А как родился такой замысел?

— Вообще, за последние десять лет, довольно много работая над произведениями Пушкина, я часто сравнивал его с другими авторами, самыми разными, порою «неожиданными»: с Пастернаком, Робертом Бернсом; с прозаиками — Достоевским, Булгаковым, Зощенко. Наверное, это может показаться странным. И все же такое сопоставление имеет оп-

гакова, произведении о Пушкине, самого Пушкина нет среди действующих лиц.

— Пьеса Булгакова выигрывает на фоне других, потому что это оригинально: Пушкина все выводили на сцену, а вот он не вывел. Тут — некоторая хитрость Булгакова. Драматургически он это сделал очень остроумно. Однако пьеса «Последние дни» казалась бы незавершенной, неполной, если бы не было множества других пьес, где Пушкин на сцену выходил, и действовал, и говорил, и я не вижу в этом святотатства. Считаю, что не запретны никакие попытки выразить великую личность через собственное творчество. Так почему же и актер не может своим творчеством попытаться выразить Пушкина?

— Сергей Юрьевич, читаете ли вы тех, кто исследует эту великую жизнь, я имею в виду пушкинистов?

— Я вовсе не считаю себя специалистом в данной области и не могу сказать, что читал и читаю все. Более всего интересуюсь самими произведениями Пушкина, а не их оценкой. Одно время увлекался Вересаевым. Но вскоре, признаюсь, мне стало это мешать, потому что слишком скрупулезное, аналитическое исследование в его книге «Пушкин в жизни» привело и к ощущению несколько анатомическому. Это затрудняло фантазию, слишком приземляло и привязывало к фактам.

Прекрасная книга — «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголева. Но, пожалуй, самое удивительное произведение — «Пушкин» Ю. Н. Тынянова. Мне кажется, Тынянов сумел соединить свое собственное понимание личности поэта, достоверность, которая вызывает к герою книги чисто человеческие чувства, с поэтическим благородством, которое одно только и достойно разговора о Пушкине. Потому что разговор о нем просто как об обыденном человеке, с грехами и ошибками, — всегда отдает фальшью. К Пушкину нужно относиться, я сказал бы, «по-пушкински». Но это было бы идеально, а реально, мне кажется, — по-тыняновски.

Веда беседу М. ЗОРКАЯ

239